

Политические судебные процессы второй половины 1930-х годов в зеркале региональной прессы

Лушин А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lushinai@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье раскрывается реакция региональной печати и, в частности, органа Мордовского обкома ВКП(б) газеты «Красная Мордовия» на политические судебные процессы 1937 года в Москве, а также создание в советском обществе обстановки подозрительности, «вражеского окружения», поисков «врагов народа», «вредителей», «диверсантов», «троцкистов», шпионов западных и японской разведок.

Ключевые слова: враги народа, вредительство, судебный процесс, оппозиция, терроризм, троцкизм, шпиономания

Для цитирования: Лушин А. И. Политические судебные процессы второй половины 1930-х годов в зеркале региональной прессы // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 106–116.

Political Trials of the Second Half of the 1930s in the Mirror of the Regional Press

Aleksandr I. Lushin

Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; lushinai@mail.ru

ABSTRACT

The article reveals the reaction of the regional press, and in particular, on the Mordovian regional Committee of the CPSU(b) of the newspaper "Red Mordovia" in the political trials of 1937 in Moscow, and the establishment of Soviet society a climate of suspicion, "hostile environment", the search for "enemies of the people", "wreckers", "spies", "Trotskyites", spies of Western and Japanese intelligence agencies.

Keywords: enemies of the people, sabotage, judicial process, opposition, terrorism, Trotskyism, espionage

For citing: Lushin A. I. Political Trials of the Second Half of the 1930s in the Mirror of the Regional Press // Administrative consulting. 2021. N 1. P. 106–116.

За последние десятилетия отечественная и зарубежная историография дополнились значительным количеством изданий, посвященных сталинскому периоду правления в СССР. В них «вождь всех времен и народов» представлен, как правило, или как величайший стратег, «успешный менеджер», под мудрым руководством которого осуществлены грандиозные преобразования в СССР, выиграна Великая Отечественная война, проведено восстановление народного хозяйства в послевоенный период, или, наоборот, как диктатор, уничтоживший военную и политическую элиту страны. Очевидно, что в каждой из них есть определенная доля истины, поэто-

му не вдаваясь в научную полемику, попытаемся рассмотреть, как региональная пресса, освещая судебные процессы над «врагами народа» во второй половине 1930-х гг., способствовала созданию обстановки нетерпимости к инакомыслию в стране.

Предвоенное десятилетие в СССР ознаменовалось, как известно, реализацией не только пятилетних планов, культурной революцией, но и разгромом политической оппозиции и укреплением единоличной власти Сталина. Это бурное, и в то же время трагичное десятилетие, получило печальную известность целой серией политических судебных процессов над бывшими соратниками вождя, ставшими политическими оппонентами, мнимыми и, наверное, сейчас определить это почти невозможно, подлинными врагами советской власти. Формальным поводом для активизации борьбы с политической оппозицией послужила гибель первого секретаря Ленинградского обкома С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Убийству, совершенному до сих пор при окончательно невыясненных обстоятельствах, было придано такое политическое значение, что жертвами последующей расправы стал не только убийца Л. Николаев, но и его супруга М. Драуле, их ближайшие родственники, а также люди, знавшие или догадывающиеся о причинах гибели партийного лидера Ленинграда.

Запущенный с этого времени маховик репрессий в конечном итоге уничтожил сначала одного из организаторов судебных процессов — Наркома внутренних дел СССР Г. Г. Ягоду, а затем и его последователя Н. И. Ежова, который был обвинен в «подготовке государственного переворота и убийстве Сталина» и расстрелян 4 февраля 1940 г. [1, с. 95]. Освобожденный от должности руководителя НКВД, будучи Наркомом водного транспорта Союза ССР, он дал признательные показания в том, что якобы готовил государственный переворот, являлся к тому же закоренелым алкоголиком и человеком нетрадиционной сексуальной ориентации [4, с. 143–145]. Пик же политических судебных процессов против политической и военной элиты страны пришелся на 1937–1938 гг.

В январе 1937 г. состоялся второй Московский процесс над участниками «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Суд над группой бывших руководителей партии большевиков и советского государства, оппонентов политической линии Сталина, в основе которого был выбор методов социалистического строительства в СССР, носил, прежде всего, политический, показательный характер. Военная коллегия Верховного суда СССР (хотя все обвиняемые были сугубо гражданскими лицами) рассматривала дело с 23 по 30 января 1937 г. На скамье подсудимых оказался Г. Л. Пятаков — первый зам. наркома тяжелой промышленности СССР, К. Б. Радек — известный журналист, зав. отделом Бюро международной информации ЦК ВКП(б) [5, с. 267–268], Л. П. Серебряков, член РСДРП с 1905 г., Начальник управления шоссейных дорог и автомобильного транспорта СНК РСФСР, Г. Я. Сокольников — член Политбюро РСДРП еще при В. И. Ленине, первый нарком финансов СССР, автор знаменитой финансовой реформы [6], по словам Б. Бажанова, секретаря Сталина «одного из самых талантливых и блестящих большевистских вождей» [1, с. 122].

Наркомат внутренних дел СССР, который с 30 сентября 1936 г. возглавил Н. И. Ежов, курировал следствие по делу. Кроме того, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1936 г., а также замечания И. В. Сталина на протоколе допроса Г. Сокольникова от 4 октября 1936 г. легли в «правовую основу» судебного процесса. В указанных документах Верховному суду Союза ССР предлагалось рассматривать оппозиционеров в качестве диверсантов, вредителей и шпионов западных разведок [7].

Представшим перед судом были предъявлены обвинения в том, что они «входили в состав подпольного антисоветского параллельного троцкистского центра и из-

меннической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью троцкистской организации». При этом Г. Пятаков и ряд других участников «параллельного центра» обвинялись к тому же в организации террористического акта в отношении Председателя СНК В.М. Молотова¹. 23 января 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР начала рассмотрение дела, при этом четверо из семнадцати подсудимых имели адвокатов, остальные тринадцать — защищались сами [7]. Обвинение поддерживал Прокурор СССР А.Я. Вышинский² [2].

На процесс были приглашены журналисты, известные общественные деятели, среди которых оказался немецкий писатель Л. Фейхтвангер. В своей книге «Москва. 1937», отмечая состояние подсудимых, он заметил, что это были отнюдь не изможденные допросами люди, и даже наоборот: «...обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на дискуссию, чем на уголовный процесс, дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло, и почему это произошло» [9, с. 4].

Через четыре дня, 30 января 1937 г. после начала суда Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор, по которому все 17 подсудимых были признаны виновными в предъявленных им обвинениях. 13 человек, среди них Г. Пятаков и Л. Серебряков, были приговорены к высшей мере наказания, К. Радек, Г. Сокольников и В. Арнольд — к 10, М. Строилов — к 8 годам лишения свободы [8]. Уже через два дня, 1 февраля 1937 г., подсудимые, приговоренные к исключительной мере наказания, были расстреляны. Жизнь будет на весьма короткое время сохранена ненадолго четверым из них. В мае 1939 г. в тюремных застенках погибли К. Радек и Г. Сокольников, а в сентябре 1941 г. в числе группы заключенных Орловской тюрьмы, перед оккупацией города фашистами, по заочному приговору Военной коллегии Верховного суда СССР будут расстреляны и другие осужденные.

Следует отметить, что одновременно с началом суда в центральной и одновременно в региональной печати была развернута хорошо скоординированная пропагандистская кампания, демонстрирующая «осуждение» советскими людьми деятельности подсудимых. Центральные органы печати, радио ежедневно передавали стенограмму процесса, а в день вынесения приговора, 30 января, в Москве, на Красной площади был организован грандиозный митинг, на котором первый секретарь Московского горкома партии Н.С. Хрущев, другие партийные и общественные деятели, в их числе Президент Академии наук Союза ССР В.Л. Комаров проклинали подсудимых «врагов народа».

Сегодня, спустя более восьми десятилетий, на наш взгляд, важно знать, как же откликнулась и реагировала региональная пресса, рядовые советские люди на эту судебную вакханалию, были ли сомнения у журналистов, интеллигенции, рабочих, колхозников о ходе и результатах следствия, в справедливости приговора и т.п. Ведь почти все подсудимые были далеко не рядовыми гражданами, к тому же в большинстве своем, еще в совсем недавнем прошлом, являлись соратниками В.И. Ленина. Сразу ответим, что в региональной печати об этом практически — ни слова.

Пресса, как известно, никогда и нигде не была абсолютно свободной, ни за рубежом, ни в СССР при всесильной КПСС, ни в постсоветские времена. События второй половины 1930-х гг. в стране — еще одно тому доказательство. С началом

¹ Правда, 1936. 23 ноября.

² Речь прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского // Красная Мордовия. 1937. 27 января; Судебные речи А.Я. Вышинского. Дело антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 405–477.

судебного процесса на «разоблачение врагов народа» были брошены все средства массовой информации страны. Тональность задавала центральная печать и, прежде всего, орган ЦК ВКП(б) газета «Правда», возглавляемая Л. З. Мехлисом, ей, что называется, вторили «Известия», «Комсомольская правда» и другие издания. Региональная пресса на следующий день перепечатывала передовые статьи «Правды», в которых еще до решения суда уже предопределялась судьба обвиняемых. Так, например, «Красная Мордовия» (газета в этот период времени являлась органом Мордовского обкома ВКП(б), ЦИК, профсовета, Саранского горкома ВКП(б) и горсовета) о ходе судебного процесса 26 января 1937 г. перепечатала передовую статью «Правды», опубликованную днем ранее, с весьма говорящим названием «Торговцы Родиной»¹.

В данном случае показателен смысл и содержание этой публикации. «На скамье подсудимых, — сообщала газета, — в Октябрьском зале Дома Союзов группа подлых предателей Родины. Бесстрастным деревянным голосом профессора по кафедре вредительства дает показания Пятаков. Его сменяет цинично, нагло развязный Радек. Из уст предателей сочится, как гной, жуткий рассказ об их торговле Родиной»². Такая оскорбительно-унизительная лексика в отношении подсудимых будет присутствовать на страницах печати на протяжении всех политических судебных процессов второй половины 1930-х гг. «Трудно найти в истории человечества, — отмечалось далее в статье, — подобные примеры циничного, подлого предательства своей страны»³ — заключает передовая.

На следующий день, 27 января, заголовки и содержание публикаций первой страницы «Красной Мордовии» снова были посвящены продолжавшемуся суду. Под рубрикой «Велик народный гнев!» появляется заметка «Беспощадно покарать изменников Родины!» с обращениями известных людей страны, выражающих свой гнев по отношению к «предателям» и, в частности, известного советского хирурга Н. Н. Бурденко, заявившего, что «всех, кто идет против воли советского народа, должна покарать рука советского правосудия»⁴. В другой заметке с призывом «Уничтожить!» сообщалось об «огромном негодовании, охватившем трудящихся Советского Союза, когда они ознакомились с обвинительным заключением по делу антисоветского троцкистского центра. На многочисленных митингах трудящиеся клеймят позором подлых предателей Родины, шпионов, диверсантов, вредителей..., пойманных с поличным. Уничтожить трижды презренных троцкистов, агентов гестапо — таково единодушное требование всех трудящихся!»⁵. Далее читатель информируется о том, что на митингах, состоявшихся на различных предприятиях страны, воинских частях, трудовых коллективах «раздается одно требование митингующих — расстрелять фашистскую банду шпионов и изменников Родины»⁶.

Здесь же, на первой странице газеты помещена информация «Фашистские агенты — изменники Родины». «С глубоким возмущением, — говорится в заметке, — узнали 600 рабочих и работниц Саранской котонинной фабрики о подлых делах разоблаченных фашистских агентов-убийц, которые со своими пособниками предательством и изменой Родине пытались дезорганизовать и ослабить мощь Советского Союза. Троцкистские агенты-убийцы стремились вызвать войну с Германией и Японией, добиться поражения Советского Союза и продать нашу родину капитализму. Они вредили в промышленности и на транспорте, снабжали сведениями фашистские государства, действуя по указкам своего вожака Троцкого.

¹ Красная Мордовия. 1937. 26 января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Красная Мордовия. 1937. 27 января.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Рабочие фабрики, — сообщается в статье, — проклинают подсудимых и требуют, чтобы «наймиты фашизма, гнусные изменники родины были расстреляны»¹. В заключение статьи отмечается, что «рабочие обещают товарищу Сталину, что они с честью будут выполнять обязанности гражданина СССР — быть бдительными, уметь вовремя разоблачать врага, беречь и охранять социалистическую собственность как зеницу ока»². В таком же духе представлена и заметка Н. Рыбакова «Расстрелять гадов!», в которой сообщалось о том, что «у учащихся Саранского педагогического техникума, как и у всех жителей нашей страны, одно чувство — возмущение и негодование мерзкими преступлениями агентов Троцкого, их шпионажем и вредительской деятельностью. Студенты техникума также требуют «расстрелять гадов!»³. Вся первая страница газеты этого номера пестрит призывами «беспощадно покарать изменников Родины». В информации с недвусмысленным названием «Стереть с лица земли троцкистскую мразь!» отмечалось, что 23 января в партийном кабинете Ковылкинского райкома ВКП(б) было организовано коллективное слушание передаваемому по радио обвинительного заключения «по делу троцкистских предателей Родины». Все, кто его слушал, потребовали «беспощадной расправы» с врагами. «Сообщения о вредительских и шпионских действиях, о подлых замыслах убийства кровно народных любимых всеми трудящимися вождями партии и правительства, об отравлениях и убийствах рабочих, красноармейцев» — все это, пишется в информации, «вызвало у слушавших глубокое негодование, чувство гадливости к тем, кто для достижения своих подлых целей, не брезговая (так в тексте — А. Л.) никакими средствами, кто в своей вредительской работе являлись агентами фашизма»⁴. «Ковылкинский райпартактив, — сообщает газета, — решительно заклеил фашистскую сволочь, пытавшуюся посягнуть на счастливую и радостную жизнь великого советского народа и восстановить в стране капитализм»⁵.

В этом же номере были помещены и отклики зарубежной печати на состоявшийся судебный процесс. Тональность его и характер публикаций — один и тот же: требование высшей меры наказания для подсудимых. 30 января на первой странице главной республиканской газеты опубликован «Приговор в отношении участников заговора», а также решение ЦИК «О присвоении народному комиссару внутренних дел тов. Ежову звания генеральный комиссар государственной безопасности» от 27 января 1937 г. Под этим Указом помещено письмо Н.И. Ежову от инженерно-технических работников завода «Красный богатырь», в котором выражается «неописуемая радость» по поводу присвоения ему этого высокого звания: «Мы гордимся Вами, Николай Иванович, — говорится в письме, — как верным сыном нашей партии, как большевиком каждую минуту готовым отдать жизнь свою за дело рабочего класса на благо нашей социалистической Родины...»

Да здравствует наш любимый вождь, друг и учитель товарищ Сталин, жизнь которого нам дороже собственной!

Да здравствует генеральный комиссар государственной безопасности товарищ Ежов!»⁶.

В этом же номере опубликована на двух страницах и речь прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского, который выступил с обвинением подсудимых не только в «создании антисоветской группы, организации взрывов на шахтах, аварий на железнодорожном транспорте» и т. п., но и особо подчеркнул, что «вся террористическая деятельность проводилась по прямым указаниям Троцкого, по заданиям и при

¹ Красная Мордовия. 1937. 27 января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

прямом участии германской и японских разведок»¹. Теперь подсудимым инкриминируется еще и подготовка государственного переворота: «Мы, — отметил государственный обвинитель, — имеем перед собой группу людей, которые собирались совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить успех этого заговора, заговора достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами»².

Вслед за публикацией приговора 1 февраля 1937 г. «Красной Мордовии» опубликована передовая «Правды» «Приговор суда — голос народа» об окончании процесса. «Это, — сообщается в передовой, — приговор всего советского народа. От всей этой троцкистской нечисти, прекрасную советскую Землю Народный Комиссариат Внутренних Дел во главе с новым славным руководителем, своим твердым большевиком товарищем Ежовым очистил до конца. Можно не сомневаться, что ни одна контрреволюционная гадина троцкистского правого или иного пошиба не уйдет от советского правосудия»³ — резюмирует газета. Здесь же помещена фотография, на которой рабочие Саранской махорочной фабрики единогласно голосуют за резолюцию митинга, «полностью одобряющего приговор Верховного суда над троцкистской бандой». Под ней — информация «Единодушно одобряем приговор», в которой сообщалось, что на митинге рабочих Саранской махорочной фабрики, на котором присутствовало более ста рабочих и работников, выступил работник фабрики Козлов: «Вчера, — заявил он, — мы узнали о приговоре над бандитами антисоветского троцкистского центра, — заявил рабочий. — Это — враги, изменники Родины, по указке Иудушки — Троцкого и под покровительством германского и японского фашизма вредили нашему социалистическому Отечеству. От их подлой руки погибли при взрывах в рудниках десятки рабочих, а при крушении поездов — сотни пассажиров. Я, как и весь наш народ, одобряю этот справедливый приговор Верховного суда».

Выступившая на этом митинге стахановка М. Садкова призвала к повышению «революционной бдительности» на фабрике. «Не так давно, — заявила она, — в нашем набойном цехе были разоблачены вредительские махинации Никишовой и Масловой. Они мазали клеем оберточную бумагу у рабочих набивных машин. Их «работа» приводила к порче оборудования и продукции — ломались машины, получался сплошной брак. Поэтому нам необходимо удвоить, утроить, революционную бдительность и вскрывать все происки врагов», — призывает читателей газеты стахановка⁴.

В опубликованном здесь же репортаже с митинга рабочих Саранского консервного завода подчеркивалось, что 250 рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода вчера на митинге обсудили приговор Верховного суда СССР по делу антисоветского троцкистского центра. В резолюции митинга подчеркивалось: «Злейшие враги трудящихся, трижды проклятые всем нашим народом, получили по заслугам. Одобряем приговор Верховного суда и просим славного руководителя чекистов, наркома НКВД товарища Ежова расследовать до конца преступные связи и призвать к строгому ответу троцкистских единомышленников Бухарина, Радека и других»⁵. В свою очередь, на митинге, состоявшемся в г. Ардатове, трудящиеся района потребовали сурово покарать изменников и предателей Родины и «уничтожить фашистскую гадину»⁶.

¹ Красная Мордовия. 1937. 27 января..

² Там же.

³ Красная Мордовия. 1937. 1 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Там же

⁶ Там же.

На следующий день, 2 февраля в «Красной Мордовии» снова перепечатка передовой «Правды» — «Страна приветствует справедливый приговор». Здесь же публикации, названия которых говорят сами за себя: «Приговор суда — приговор всего народа», «Суд выполнил волю народа», «Горячая благодарность товарищу Ежову и славным наркомвнудельцам»¹.

Еще одним примером «всенародной поддержки» решения суда служит письмо делегатов Мордовского республиканского совещания стахановцев-животноводов Сталину: «Великий наш вождь, друг и отец, товарищ Сталин! — говорится в письме, — <...> обращаем к тебе, родной Иосиф Виссарионович, — наше слово, полное самой безграничной любви и преданности», стахановцы-животноводы заверяют Сталина: «мы сумеем обломать Троцкому старые волчьи зубы! Никогда не осуществиться черной мысли гадины, чтобы распустить колхозы — рушить наше счастье!»².

Вся первая декада февраля — это продолжение темы суда и приговора в отношении «врагов народа». 4 февраля 1937 г. на первой странице снова перепечатка передовой «Правды». «Сделать выводы из процесса» от 2 февраля, в которой сообщается об окончании судебного процесса, и о том, что приговор уже приведен в исполнение. При этом особо подчеркивается, что советские люди приступили к ликвидации последствий вредительства на тех предприятиях промышленности и транспорта, «куда удалось проникнуть изменникам, где были совершены диверсионные вредительские акты и что «новым творческим подъемом, новыми стахановскими рекордами страна ответила на подлую вредительскую подрывную деятельность троцкистов»³.

Публикации продолжали доказывать читателям республики, что «презренная кучка троцкистских бандитов, ненавидимых массами» не смогла приостановить неуклонное победоносное движение вперед промышленности и железнодорожного транспорта. Снова и снова с упорством, достойным лучшего применения, газета призывает читателя к проявлению бдительности и поисков «врагов народа» в различных отраслях народного хозяйства⁴.

3 марта «Красная Мордовия» перепечатывает материалы состоявшегося Пленума ЦК ВКП(б), на котором Сталин снова призвал усилить поиски «врагов народа», заявив, что партии не хватает гласности, ликвидации беспечности, благодушия и близорукости⁵. По итогам Пленума ЦК в регионах страны были проведены собрания партийного и советского актива. В связи с этим, «Красная Мордовия» 30 марта 1937 г. публикует доклад уполномоченного Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области тов. Френкеля «Об итогах Пленума ЦК ВКП(б)». «Единым одобрением, — заявил он, — встретил актив решение Пленума ЦК об исключении из партии подлых двурушников и перерожденцев Бухарина и Рыкова (теперь наступила и их очередь). Тов. Френкель ознакомил актив с контрреволюционной деятельностью Бухарина, Рыкова и их приспешников, направленной к реставрации капитализма в нашей стране»⁶. Докладчик сообщал, что Бухарин, Рыков и другие лидеры «правого уклона» за все время пребывания в партии и политической деятельности систематически отклонялись от линии партии Ленина — Сталина и закончили тем, что полностью скатились на позиции врагов, перешли в лагерь контрреволюции, сомкнулись с троцкистами, фашистскими вы-

¹ Красная Мордовия. 1937. 2 февраля.

² Там же.

³ Красная Мордовия. 1937. 4 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Красная Мордовия. 1937. 3 марта.

⁶ Красная Мордовия. 1937. 30 марта.

родками и террористами»¹. Уполномоченный призвал «воплотить в жизнь, в плоть и кровь указания февральского Пленума ЦК ВКП(б), указания тов. Сталина и мобилизовать все силы на их выполнение»².

Дискредитация политической оппозиции продолжает набирать обороты, и «Красная Мордовия» с 6 по 20 июля 1937 г. на протяжении 9 номеров публикует статью Начальника управления НКВД по Ленинградской области Л. Заковского «О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры». Подводя итоги активной борьбы с «врагами», чекист отметил: «Овладев непобедимым оружием большевизма, свято выполняя указания товарища Сталина о повышении революционной бдительности, мы создали лучшую в мире разведку, обезвредив все происки врагов нашей великой родины, сделали каждую нашу партийную организацию, каждый завод, каждое учреждение крепостью неприступной для троцкистско-бухаринских и иных агентов иностранных разведок. Врагам мы житья не дадим — выкорчем, разгромим и уничтожим их до конца», — резюмирует комиссар³.

Кампания дискредитации политической оппозиции была направлена против наиболее образованной и критически мыслящей части общества. В столице Мордовии — Саранске, это были, прежде всего, представители творческой интеллигенции, поэты, писатели, преподаватели педагогического института, сотрудники республиканского НИИ истории. 22 сентября 1937 г. «Красная Мордовия» поместила статью некоего М. Афанасьева с очень говорящим названием: «В институте, где орудовали враги народа», которая послужит в дальнейшем своего рода основой для разгрома НИИ и ареста многих его сотрудников. «...Шайка троцкистов и буржуазных националистов, этих врагов народа, — пишет «борец» с врагами, — орудует в НИИ истории». Далее автор призывает Мордовский обком ВКП(б), ЦИК и СНК МАСССР «принять решительные меры по оздоровлению Мордовского научно-исследовательского института»⁴. Уже через два дня, 24 сентября, снова опубликована его заметка «Предатели мордовского народа», в которой звучит призыв «До конца выкорчевать буржуазных националистов и их пособников» в НИИ⁵. Призыв к расправе над учеными института повторяется и в третий раз, 28 сентября в информации того же М. Афанасьева, снова раздается требование разгромить «врагов народа», так как «в научно-исследовательском институте до конца еще не разгромлено гнездо буржуазных националистов»⁶.

Тема «вражеского окружения» и шпиономании в течение всего 1937 г. не сходит со страниц главной республиканской газеты. Так, 2 августа 1937 г. появляется заметка некоего И. Александрова «Кровавые предатели Родины, поджигатели войны» о состоявшемся уже более полугода назад процессе над Г. Пятаковым, К. Радеком, Г. Сокольниковым и др. «Троцкисты, — пишет «осведомленный» автор, — обязались сделать Германии в случае своего прихода к власти территориальные уступки. Попросту говоря, Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков торговали советской землей. В первую очередь была заключена сделка об отдаче Украины германским фашистам и Приморья и Приамурья — японским генералам...»⁷. К «большевистской бдительности» будет призывать и серия начавшихся 3 августа публикаций в «Красной Мордовии» — перепечатки из «Правды» статей Н. Рубина и Я. Сереброва «О подрывной деятельности фашистских разведок в СССР, и задачи борь-

¹ Там же.

² Там же.

³ Красная Мордовия. 1937. 20 июля.

⁴ Красная Мордовия. 1937. 22 сентября.

⁵ Красная Мордовия. 24 сентября.

⁶ Там же.

⁷ Красная Мордовия. 1937. 10 августа.

бы с нею». Как и в других публикациях, снова и снова читателю навязывается тезис о «вражеском окружении», неусыпной бдительности в отношении врагов народа, и необходимости «уничтожения их, как бешеных собак»¹.

Средства массовой информации, и в первую очередь печать, культивируя шпиономанию и «вражеское окружение», в немалой степени способствовали созданию обстановки нетерпимости к людям, имевшим свою точку зрения на происходящее в своей стране. Поэтому, каждый, кто имел свое мнение, расходившееся с официальной идеологической доктриной, мог в любое время стать «врагом народа», «троцкистом», «двурушником» и оказаться в местах не столь отдаленных.

Репрессии конца 1930-х гг. затронули прежде всего творческую интеллигенцию и в первую очередь писателей, ученых, преподавателей вузов Мордовии. Так, 7 мая 1937 г. в Саранске был арестован Т. П. Миронов (1901–1938), кандидат филологических наук, участник Гражданской войны, окончивший Ленинградский институт литературы, истории и языка. С 1933 г. он являлся сотрудником секции языка, сектора истории литературы и искусства НИИ, был автором ряда словарей, атласов на мордовских языках. (Расстрелян в 1938 г. в Саранске.) 1 июля 1937 г. за связь с «врагами народа» был уволен заведующий отделом истории НИИ Д. И. Васильев, отчислены из аспирантуры института А. И. Маскаев В. И. Самаркин и М. Г. Черапкин. 27 июля 1937 г. «за троцкистские выступления в 1935 г. на прежнем месте работы в Москве» и «слабую научную работу» был уволен сотрудник сектора истории М. И. Зевакин. Аресты и увольнения по политическим мотивам привели к тому, что в сентябре 1937 г. в секторе истории НИИ не осталось ни одного сотрудника [10, с. 40–42].

В ноябре 1937 г. по ложному доносу был арестован, а затем осужден на 5 лет лагерей языковед Ф. И. Петербургский (освобожден в ноябре 1942 г. и позднее реабилитирован). Тогда же арестован по ложному обвинению в троцкизме историк и фольклорист, окончивший Институт красной профессуры (1934 г.) и приговоренный к 10 годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, И. С. Поздьяев — (псевдоним Сибиряк). Репрессиям как «враг народа» подвергся Ф. С. Каплев (1892–1965), который с ноября 1936 г. был сотрудником Института национальностей СССР, в ноябре 1936 — июне 1937 г. являлся директором Мордовского НИИ истории. 1 июня 1937 г. был уволен с работы сотрудник сектора истории П. В. Шапошников, затем арестован как «враг народа и член мордовской антисоветской националистической организации» [10, с. 42].

После XX съезда, как известно, начнется реабилитация невинно осужденных во второй половине 1930-х гг. Пленум Верховного суда СССР постановлением от 13 июня 1988 г. отменил приговор Военной коллегии в отношении Ю. Л. Пятакова, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радека и других осужденных и прекратил дело за отсутствием в их действиях состава преступления. Было установлено, что обвинения, выдвинутые против осужденных, были необоснованными, а материалы судебного дела сфабрикованы. Таким образом, официально подтверждено, что не было как такового и «параллельного антисоветского троцкистского центра».

Политические судебные процессы второй половины 1930-х гг. свидетельствовали о том, что выбор Сталиным модели управления, направленный строго по вертикали, при отсутствии политической оппозиции (которая является составной частью и не переменным атрибутом демократического государства), позволил репрессировать не только политическую и военную элиту, но и наиболее образованную и критически мыслящую часть советского общества. В условиях коллективизации и индустриализации в советское общество, кроме того, был продуцирован ген доно-

¹ Красная Мордовия. 1937. 10 августа.

сительства, когда «сообщения» в «компетентные органы» на своих соседей, нередко очень близких людей и своих односельчан, писали простые люди, подчас абсолютно неграмотные. Показательно, что многие из них писались простым карандашом, на листах из школьной тетради и обрывках газет. Представляется, что значительная часть рабочих, колхозников, якобы поддерживающих и одобрявших судебные решения в отношении «врагов народа», «вредителей», вряд ли отличала «правый уклон» от «левого», с большим трудом могла объяснить, каковы их политические взгляды и убеждения К. Радека, Г. Сокольникова, Л. Троцкого и др.

Именно тогда, при воинствующем безбожестве, в советском обществе начинает возникать двойная мораль, когда нередко человек думал одно, говорил другое, а часто вынужден был делать третье. Нельзя забывать, что Сталин, будучи генсеком, уже к концу 1920-х гг. смог создать поистине уникальную систему управления огромной страной. Любое его слово, реплика, как правило, быстро приобретали силу закона, который трансформировался в решения Политбюро и СНК. Правовая система страны была поставлена на обслуживание партии большевиков, которая согласно Конституции Союза ССР 1936 г. стала руководящим ядром политической системы советского государства.

К сожалению, и сегодня немалая часть российского общества воспринимает Сталина как гениального организатора и политического деятеля, последователя Ивана Грозного, присоединившего Бессарабию, Восточную Пруссию, Прибалтику и Курильские острова, который смог распространить влияние до Центральной Европы и заставил Запад признать СССР «великой державой». Однако вряд ли кто-нибудь из них вспоминает о цене этой политики и ее колоссальной себестоимости.

Было бы серьезной методологической ошибкой вину за репрессии перекладывать только на Сталина, ибо рядом с ним находились Л. Берия, К. Ворошилов, Л. Каганович, М. Калинин, А. Микоян, В. Молотов, Н. Хрущев и многие другие, проводившие в жизнь политику вождя. Так, например, Председатель ЦИК М. И. Калинин, или, как его тогда называли, «всесоюзный староста», по мнению ряда отечественных исследователей, всегда послушно выполнял указания генерального секретаря и, что называется, штамповал обвинительные приговоры. Изо всех уголков страны к нему потоком шли письма и просьбы о помиловании невинно осужденных, однако он оставался глух к ним [4, с. 95]. Декоративный глава государства не смог (или не захотел) спасти даже свою жену, мать его пятерых детей, которая с 1938 г. находилась в заключении и только перед смертью «всесоюзного старосты» в 1946 г. была помилована. Как известно, именно М. И. Калинин в 1934 г. подписал постановление ЦИК СССР о создании ОСО — особых совещаний. Эти «особые совещания», «двойки» и «тройки», подменив собой законный судебный процесс, часто за считанные минуты выносили смертные приговоры, которые, как правило, сразу же приводились в исполнение.

Встает естественный вопрос, как же такое могло произойти в стране, гордящейся своей духовностью и культурой, коллективизмом и соборностью, когда практически три десятилетия у власти находился диктатор, которого сменил полуграмотный субъект, размахивавший кулаками на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, затем страдающий «звездной болезнью» Генеральный секретарь ЦК КПСС, а далее два просто смертельно больных генсека, завершившие свое правление «гонками на катафалках»? Ответ, очевидно, заключается в том, что политический абсолютизм и судебная вседозволенность возникают в странах, где существует самодержавие, одной из форм которого является наличие однопартийной системы, а также власть, противостоящая любому инакомыслию, оппозиции и опирающаяся на силовые ведомства и армейские штыки.

Литература

1. *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж : Третья волна, 1980.
2. *Бушков А.* Сталин. Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени. СПб. : Нева, 2006.
3. *Восленский М.* Номенклатура. М. : Захаров, 2016.
4. *Гругман Р.* Советский квадрат: Сталин — Хрущев — Берия — Горбачев. СПб. : Питер, 2011.
5. *Ежов Н. И.* Сталин и заговор в НКВД (Заявление Н. И. Ежова в следственную часть НКВД). М. : Алгоритм, 2013.
6. *Жуков Ю.* Иной Сталин. М. : Вагриус, 2005.
7. *Кропачев С. А.* «Большой террор» и его жертвы в зеркале советской пропаганды 1937–1938 гг. // Российская история. 2011. № 2. С. 116–124.
8. *Петров Н.* Сталинский заказ. Как убивали Сокольников и Радека // Новая газета. 2008. № 40, 5 июня.
9. *Фейхтвангер Л.* Москва. 1937. М. : Госполитиздат, 1937.
10. *Центр гуманитарных наук: история и современность* / отв. ред. В. А. Юрченков. Саранск, 2008.

Об авторе:

Лушин Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; lushinai@mail.ru

References

1. Bazhanov B. Memoirs of the former secretary of Stalin. Paris: Third Wave, 1980. (In rus).
2. Bushkov A. Stalin. Red monarch. Chronicles of a great and terrible time. St. Petersburg: Neva, 2006. (In rus).
3. Voslensky M. Nomenclature. M.: Zakharov, 2016. (In rus).
4. Grugman R. Soviet Square: Stalin — Khrushchev — Beria — Gorbachev. St. Petersburg: Piter, 2011. (In rus).
5. Yezhov N. I. Stalin and the conspiracy in the NKVD (Statement of N. I. Yezhov to the investigative part of the NKVD). M.: Algorithm, 2013. (In rus).
6. Zhukov Yu. Another Stalin. M.: Vagrius, 2005. (In rus).
7. Kropachev S. A. "Big Terror" and his victims in the mirror of Soviet propaganda, 1937–1938 // Russian History [Rossiiskaya istoriya]. 2011. № 2. P. 116–124. (In rus).
8. Petrov N. Stalin order. How Sokolnikov and Radek were killed // Novaya Gazeta. 2008. N 40, June 5. (In rus).
9. Feichtwanger L. Moscow. 1937. M.: State Political Publishing House, 1937. (In rus).
10. Center for the Humanities: History and Modernity / ed. V. A. Yurchenkov. Saransk, 2008. (In rus).

About the author:

Aleksandr I. Lushin, Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); lushinai@mail.ru